

оригинальная статья

Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения

Иванов Михаил Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

ivanov.mikhail@gmail.com

Поступила в редакцию 24.12.2021. Принята после рецензирования 20.01.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Исследование направлено на выявление характера взаимосвязи между показателями идентичности и характеристиками отношения к личной безопасности и на описание их в период обучения в вузе. На этапе эмпирического исследования использовались методика «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда, «Опросник стилей идентичности» М. Берзонски в адаптации Е. П. Белинской с соавторами, опросник «Аспекты идентичности» Дж. Чика и Л. Троппа, методика «Профессиональная идентичность» А. А. Озериной, методика изучения эго-идентичности (СЭИ-тест) Е. А. Солдатовой. Отношение к личной безопасности изучалось с помощью авторских методик. В исследовании приняли участие 238 студентов 1–5 курсов гуманитарного профиля. В результате проведенного кластерного анализа и регрессионного анализа данных, полученных методом поперечных срезов, выделены связанные характеристики идентичности и отношения к личной безопасности, описаны их различия на разных этапах обучения. Выделены общие тенденции изменения изучаемых явлений в период обучения в вузе. Тенденции, отражающие позитивную динамику: повышение активности профессиональной позиции как компонента идентичности, усиление реляционной идентичности (Я как субъект отношений), снижение оценок серьезности угрозы потери репутации и связей, повышение предпочтений стратегии обеспечения личной безопасности с опорой на себя. Тенденции, отражающие негативную динамику: нарастание поверхностной идентичности, снижение автономности в осознании собственных ценностей и автономности эмоционального компонента идентичности, повышение оценок серьезности угроз нарастания психологических проблем, угроз со стороны преступных организаций с одновременным снижением усилий по предотвращению целого ряда распространенных угроз, изменение предпочтений стратегий безопасности в части макросреды с индивидуализирующихся (жить в гуманном и терпимом обществе) на адаптирующиеся (жить в обществе, где строго соблюдается порядок). Делается заключение о взаимосвязанности идентичности и отношения к личной безопасности, сложности и разнонаправленности процесса их формирования в период обучения в вузе.

Ключевые слова: идентичность, отношение к личной безопасности, представления об угрозах, психология безопасности, формирование идентичности

Цитирование: Иванов М. С. Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 1. С. 83–91. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91>

original article

Attitude to Personal Security during Identity Formation in University Students

Mikhail S. Ivanov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

ivanov.mikhail@gmail.com

Received 24 Dec 2021. Accepted after peer review 20 Jan 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: The research featured the relationship between the indicators of identity and the characteristics of the attitude to personal security in university students. The study relied on M. Kuhn and T. McPartland's *Who am I* questionnaire, M. Berzonski's *Questionnaire of Identity Styles* adapted by E. P. Belinskaya et al., J. Chik and L. Tropp's *Aspects of Identity*, A. A. Ozerina's *Professional Identity*, and E. L. Soldatova's *Ego-Identity SEI-test*. The attitude to personal safety was investigated by the methods developed by the author. The study involved 238 students of 1–5 year that were majoring in humanities.

The cluster and regression analyses of the data obtained by the cross-sectional method identified the related characteristics of identity and attitudes to personal security, as well as their differences at different stages of training. The author revealed some general tendencies in the phenomena that occurred in students during the period of university study. Positive dynamics included the following trends. The professional position became more active (*I* as a subject of relations). The assessments of threat of losing one's reputation and connections decreased. Senior students preferred a personal security strategy, i.e. they relied on themselves. Positive dynamics included the following trends. Superficial identity increased, while the autonomy in the awareness of one's own values and emotional component decreased. The assessment of psychological risks and that of criminal organizations increased, while common preventive efforts mostly decreased. Security strategies in terms of the macro environment also changed: senior students preferred adapting strategy (living in an authoritarian society) to individualizing (living in a humane and tolerant society). The article introduces some conclusions about the correlation of identity and attitude to personal security, as well as the complexity and multidirectional nature of their development in university students.

Keywords: identity, attitude to personal security, perceptions of threats, security psychology, identity formation

Citation: Ivanov M. S. Attitude to Personal Security during Identity Formation in University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 83–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91>

Введение

Интерес к изучению психологических характеристик, связанных с представленностью в сознании опасностей и личностных к ним отношений, достаточно давно проявляется в психологических исследованиях, авторы которых доказывают, что отношение к опасностям может быть понято и изучено не только в контексте традиционных клинически ориентированных исследований тревоги, страха, в рамках изначально экономического концепта риска или ориентированной на психологию труда классической психологии безопасности (А. И. Донцов, О. М. Зотова, Т. М. Краснянская, Г. Ю. Фоменко и др.). Переживание опасности может изучаться как работа сознания, тесно включенная в процесс построения образа мира и системы психологических отношений. Эта психическая деятельность предопределяет поведение, связанное с обеспечением человеком личной безопасности – безопасности себя и того, что ему дорого.

Идентичность как стержневая структура, отражающая самосознание субъектом себя и его самоопределение относительно окружающего мира, представляет особый интерес при изучении переживания опасности и отношения к безопасности. Осознание человеком себя, ответ на вопрос *Кто Я?*, предполагает осознание своих возможностей во взаимодействии с внешним миром, а значит и возможностей противодействия опасностям и угрозам.

Изучение идентичности в психологии в последнее время происходит в контексте научного осмысления конструкта *неопределенности* как фундаментальной характеристики бытия, собственно и содержащего в себе вызов как науке в целом, так и каждому отдельному человеку. Анализируя идентичность в таком ключе, Е. П. Белинская пишет о «текучей» идентичности, указывая на необходимость изучения не столько структурных, сколько процессуальных ее характеристик, поскольку именно в своей динамике идентичность противостоит неопределенности «текучей современности» [1–3]. Вызов неопределенности как одна

из основных проблем не только изучения идентичности, но и современной психологии вообще отмечается многими авторами [4–6]. Об этом пишет и Т. Д. Марцинковская, указывая на то, что в изучении идентичности на самом деле интересно не то, из чего она складывается и какое содержание имеет в конкретный момент времени, а закономерности ее динамики в условиях постоянной трансформации социальных норм и правил поведения в обществе [7]. В этом смысле фактически идентичность предлагается рассматривать как систему, отвечающую на вызовы непредсказуемого и быстро меняющегося мира, а нарастающая в исторически кризисные времена множественность проявлений идентичности объясняется многообразием и сложностью этих вызовов.

В проблематику идентичности включаются представления не только о том, кем человек себя считает, какой он и на что он готов пойти, но и тем, кем он себя не считает, каким не является и на что не готов пойти ни при каких обстоятельствах, – в этом раскрывается важная функция идентичности, связанная с очерчиванием границ себя [8]. В структуре идентичности изучаются представления о множественных предполагаемых Я в будущем [9]. В противовес классическому структурному подходу идентичность все чаще исследуется как дискурсивное явление, нарративная категория, существующая лишь в виде субъективной «жизненной истории» [10; 11]. Отдельного анализа заслуживает многообразие изучаемых исследователями идентичностей, например активно изучается «идентичность с горodom» [12].

Исследования неопределенности и границ в изучении идентичности очевидно пересекаются с проблематикой опасности / безопасности, активно исследуемой сегодня в психологии. Ряд исследований, в том числе проведенных и нами [13; 14], убеждают в возможности изучения отношения к себе как субъекту личной безопасности, т. е. идентичности в отношении личной безопасности.

Кроме того, идентичность может пониматься как психологический механизм обеспечения личной безопасности – через самоопределение себя относительно опасности и происходит определение стратегий безопасного поведения. Проблема личной безопасности ставится в исследованиях психологии безопасности как попытка перевести в русло психологии традиционно экономические концепты риска и угрозы [15]. Проблема развивается в исследованиях психологической безопасности как потребности в ощущении безопасности [16; 17], в исследованиях самообеспечения безопасности как деятельности, направленной на обеспечение личной безопасности [18; 19], как функция личности, связанная с повседневным обеспечением наиболее эффективного существования и развития [20], как психологическое отношение к безопасности, лежащее в основе детерминации безопасного поведения [21; 22].

Изучая проблемы отношения к личной безопасности, в предыдущих исследованиях мы предложили теоретическую модель, согласно которой структуру отношения к личной безопасности составляют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, реализующиеся в трех типах отношений:

- 1) отношение к угрозам, слабо поддающимся противодействию со стороны простого обывателя: природные, техногенные, военные и т. п.;
- 2) отношение к угрозам, поддающимся противодействию субъекта, исходящим из ближайшего окружения и повседневной действительности: бытовые опасности, транспорт, уличные преступники и т. п.;
- 3) отношение к себе как субъекту личной безопасности [23].

Когнитивный компонент отношения к личной безопасности состоит в системе представлений субъекта об опасностях, субъективной оценке личностью внешних и внутренних факторов с позиций, угрожающих или не угрожающих его безопасности, и проявляется в виде субъективной иерархии угроз и опасений личности. Эмоциональный компонент состоит в отношении к себе – в оценке своих способностей противостоять угрозам, уверенности в себе; в отношении к угрозам – в субъективном восприятии опасностей как угрожающих или не угрожающих, в эмоционально окрашенных опасениях (страхах). Поведенческий компонент отражает связь отношения и поведения и проявляется в планируемой и реализуемой деятельности по профилактике и противодействию угрозам, т. е. деятельности по обеспечению личной безопасности. Также он может рассматриваться как индивидуальная стратегия обеспечения личной безопасности, выступающая компонентом стратегии жизни.

В своих предыдущих исследованиях в результате анализа вербализованного отношения испытуемых к вопросам личной безопасности нами были выделены три типа жизненных стратегий обеспечения личной безопасности – стратегии адаптации, социализации и индивидуализации [22], каждая из которых представлена тремя группами компонентов,

соответствующих сферам (факторам), часто используемым при описании поведения индивида и социальных групп: субъект, микросреда и макросреда. В нашем случае к фактору субъекта относятся компоненты стратегии, связанные с саморазвитием, направленные на повышение своей готовности к обеспечению личной безопасности. К сфере микросреды относятся компоненты стратегии, связанные с организацией условий своего окружения, безопасного образа и стиля жизни. Макросреда представляет собой компоненты стратегии обеспечения личной безопасности, связанные с включенностью субъекта в государство и общество.

Интенсивное развитие личности в период обучения в вузе, сопровождающееся активным преобразованием системы идентичности и образа мира в целом, не может не затрагивать и систему отношения к личной безопасности у студентов, которая зависит от представлений об окружающем мире и о себе самом. Активное взросление, происходящее в возрастной период поздней юности и ранней взрослости, обычно выпадающий на время вузовского обучения, связано с изменением взглядов на окружающий мир с подростковых, юношеских на взрослые. Особенно активно происходит перестройка системы представлений о людях и человеческих отношениях, появляются взрослые представления о деловых, производственных отношениях, изменяются отношения к основным понятиям сферы отношений – доверие, ответственность, долг, обязательство и т. п. Все это не может происходить без изменения представлений об угрозах и опасностях, подавляющее большинство которых носят социальный характер. В процессе взросления приходит понимание: то, что вызывало опасения в юношеском возрасте: не понравиться сверстнику, с которым хотел познакомиться, плохо ответить на экзамене из-за волнения и т. п. – это мелочи жизни, по поводу которых не стоит переживать. Зато другие аспекты отношений, которые раньше не воспринимались как опасности, начинают восприниматься как реальные угрозы. Расширению системы представлений об угрозах способствует активная профессионализация, становление профессиональной идентичности, в процессе которого студент узнает о специфике своей будущей профессиональной деятельности, в том числе и о разного рода проблемах, «подводных камнях», встречающихся в реальной профессиональной практике.

В целом проблема динамики отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности в период обучения в вузе имеет две составляющие. Первая касается взаимосвязи идентичности и отношения к личной безопасности, вторая – динамики этих характеристик в период обучения в вузе. Это предполагает решение двух исследовательских задач: 1) выявление характера взаимосвязи между показателями идентичности и характеристиками отношения к личной безопасности; 2) описание изменения показателей идентичности и характеристик отношения к личной безопасности в период обучения в вузе.

Методы

Для измерения показателей сформированности идентичности и отдельных ее компонентов, а также изучения идентичности по содержанию использовались методика «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда, «Опросник стилей идентичности» М. Берзонски в адаптации Е. П. Белинской с соавторов, опросник «Аспекты идентичности» Дж. Чика и Л. Троппа, методика «Профессиональная идентичность» А. А. Озеринной, методика изучения эго-идентичности (СЭИ-тест) Е. Л. Солдатовой.

Для изучения отношения к личной безопасности применялись авторские методики. Представления об угрозах изучались с помощью опросников, в которых представлены списки распространенных угроз, серьезность которых и усилия по их предотвращению предлагалось оценить по 5-балльной шкале. Предпочтение стратегий обеспечения личной безопасности изучалось с помощью соответствующей методики, где испытуемым предлагалось выбрать не более 3-х наиболее предпочитаемых стратегий их 9-ти предложенных.

Исследование проведено на выборке студентов 1–5 курсов Кемеровского государственного университета, обучающихся по направлениям гуманитарного профиля (психология, социальная работа, филология, реклама и связи с общественностью); в исследовании приняли участие 238 испытуемых. Возраст испытуемых – от 17 до 23 лет (средний возраст – 20); 13 % испытуемых – мужчины, 87 % – женщины.

Результаты

Для решения задачи по выявлению взаимосвязи между показателями идентичности и отношения к личной безопасности наиболее действенным приемом оказалось разделение выборки с помощью кластерного анализа на группы по показателям идентичности с последующим сравнительным анализом характеристик отношения к личной безопасности между выделенными группами.

Для кластеризации методом К-средних использовались шкалы опросника профессиональной идентичности А. А. Озеринной и методики структуры эго-идентичности Г. В. Солдатовой. В результате выборка разбилась на две

группы по показателям сформированности идентичности. Показатели средних и стандартных отклонений основных показателей, по которым проводилась кластеризация, приведены в табл. 1. Группа кластера 1 характеризуется более низкими значениями по показателю *диффузный статус эго-идентичности* (известно, что диффузность идентичности снижается при ее формировании) и более высокими значениями по всем остальным показателям, повышение которых отражает формирование идентичности. Это позволяет предположить, что группа 1 – студенты с более высоким уровнем сформированности идентичности, а группа 2 – с более низким.

В табл. 2 приведены результаты сравнительного анализа с применением t-критерия Стьюдента между выделенными группами по показателям представления об угрозах личной безопасности. В группе с высоким уровнем сформированности идентичности наблюдаются более низкие средние показатели оценок серьезности угроз личной безопасности и одновременно более высокие оценки собственных усилий по предотвращению этих угроз. Наиболее значительные различия в оценках серьезности угроз обнаружены по таким источникам угроз, как *близкие люди* ($M=1,18$ в группе с высоким уровнем идентичности; $M=1,71$ – с низким), *окружающее вас общество* ($M=2,11$ и $M=2,7$ соответственно), *свой собственный организм* ($M=2,24$ и $M=2,87$). Наиболее значительные различия в оценках усилий по предотвращению угроз обнаружены по таким угрозам, как *потеря трудоспособности* ($M=3,48$ и $M=3,11$), *возникновение психологических проблем* ($M=3,78$ и $M=3,26$).

Результаты анализа сопряженности по критерию хи-квадрат предпочтений стратегий обеспечения личной безопасности между группами с разным уровнем сформированности идентичности показали, что высокий уровень сформированности идентичности значимо сопряжен с повышением предпочтений стратегии *быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности* (повышение с 47 % до 60 %) и снижением предпочтений стратегии *быть авторитетным человеком, иметь связи и влияние* (снижение с 22 % до 10 %).

Табл. 1. Показатели сформированности идентичности в группах, выделенных в результате кластерного анализа

Tab. 1. Indicators of identity formation in the groups identified as a result of cluster analysis

Показатели	Кластер 1		Кластер 2	
	М	Ст. откл.	М	Ст. откл.
Сформированность профессиональной идентичности	21,52	3,67	15,09	4,11
Зрелость профессиональной идентичности	22,65	2,67	18,98	3,55
Автономный статус эго-идентичности	22,68	3,38	17,05	3,86
Диффузный статус эго-идентичности	10,50	3,74	19,56	3,70
Предetermined статус эго-идентичности	16,81	3,13	13,47	2,96

Табл. 2. Сравнительный анализ представлений об угрозах личной безопасности между группами с разным уровнем сформированности идентичности, 5-балльная шкала

Tab. 2. Comparative analysis of personal security threats between groups with different levels of identity formation, 5-point scale

Оценки угроз личной безопасности	Группа с высоким уровнем		Группа с низким уровнем		p
	М	Ст. откл.	М	Ст. откл.	
Оценка серьезности угроз					
Власти своего государства	3,01	1,41	3,38	1,36	0,05
Незнакомые окружающие люди	2,86	1,12	3,21	1,15	0,03
Организации и люди, с которыми вы состоите в деловых отношениях	1,65	0,96	1,97	1,07	0,03
Конкретные люди, с которыми могут пересекаться ваши интересы	1,63	0,90	1,87	0,99	0,05
Близкие люди	1,18	0,58	1,71	1,15	<0,01
Окружающее вас общество	2,11	1,00	2,70	1,12	<0,01
Свой собственный организм	2,24	1,32	2,87	1,25	<0,01
Потеря комфорта, своего привычного образа жизни	3,26	1,24	3,64	1,17	0,03
Возникновение психологических проблем	3,80	1,30	4,21	1,05	0,01
Средний показатель оценки серьезности угроз	2,30	0,53	2,58	0,60	<0,01
Оценка собственных усилий по предотвращению угроз					
Потеря своих сбережений и имущества	3,48	1,41	3,11	1,40	0,05
Потеря трудоспособности	3,48	1,56	3,01	1,58	0,03
Близкие люди	3,86	1,43	3,44	1,54	0,04
Проблемы со здоровьем, тяжелые болезни	3,88	1,30	3,41	1,42	0,01
Возникновение психологических проблем	3,78	1,37	3,26	1,44	0,01

Прим.: Приведены только те показатели, по которым получены статистически значимые различия при $p < 0,05$.

При решении задачи по выявлению динамики показателей идентичности и характеристик отношения к личной безопасности наиболее содержательные результаты удалось получить с помощью регрессионного анализа. При построении регрессионной модели анализу подлежали 115 независимых переменных. Из них 62 переменные отражали характеристики идентичности и 53 – отношение к личной безопасности. В качестве зависимой переменной использовался курс обучения (238 испытуемых с 1 по 5 курсы обучения).

В регрессионную модель, описывающую наибольшую долю дисперсии зависимой переменной ($R=0,76$) при сохранении статистической значимости модели ($F=45,2$; $p < 0,01$), попали 43 показателя. Для удобства представления информации предикторы разбиты на категории показателей идентичности и отношения к личной безопасности, а также сортированы по величине модуля регрессионного коэффициента (табл. 3). Можно выявить закономерности изменения характеристик как идентичности, так и отношения к личной безопасности, причем эти изменения сопоставимы, т. е. могут сравниваться по величине своего

вклада в изменение результирующего показателя, которым в нашем случае выступает курс обучения.

Наиболее сильными предикторами выступают показатели представлений об угрозах личной безопасности, некоторые из которых изменяются в процессе обучения даже сильнее, чем показатели идентичности. Так, по угрозе *потеря репутации и связей* в процессе обучения снижается оценка серьезности угрозы ($b=-0,31$), но одновременно повышается оценка собственных усилий, затрачиваемых на предотвращение этой угрозы ($b=0,33$). Параллельно происходит повышение оценок серьезности угроз возникновения *психологических проблем* ($b=0,19$) и угроз со стороны *преступных групп и организаций* ($b=0,19$). Одновременно снижается оценка усилий, направленных на предотвращение угроз *утечки личной информации* ($b=-0,26$), *потери близких людей и отношений с ними* ($b=-0,23$), *угроз со стороны преступных групп и организаций* ($b=-0,20$).

Вместе с изменениями в системе представлений об угрозах происходят изменения и в выборе стратегий обеспечения личной безопасности. Наибольшие изменения обнаружены по группе элементов стратегий, относящихся

к макросреде, т. е. связанным с жизнью в государстве и обществе. С повышением курса обучения студенты чаще предпочитают жить там, где строго обеспечивается порядок и стабильность ($b=0,23$), и реже – жить в гуманном и терпимом обществе ($b=-0,19$) и в обществе с высокой культурой безопасности ($b=-0,12$). Также студенты значимо чаще предпочитают адаптационную стратегию опоры на себя в обеспечении личной безопасности: быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности ($b=0,12$).

Анализируя динамику идентичности, отметим тенденции, указывающие на ее нормальное развитие: значимое повышение в процессе обучения показателя по шкале активная профессиональная позиция опросника А. А. Озеринной ($b=0,28$),

понижение предпочитаемой идентичности Я – студент по методике «Кто Я» ($b=0,19$) с одновременным повышением идентичности Я – сын / дочь ($b=-0,15$) и Я – муж / жена ($b=-0,15$), а также усиление аспекта реляционной (отношений) идентичности по методике AIQ-IV ($b=0,17$). Одновременно обнаружены тенденции, указывающие на проблемы формирования идентичности: снижаются показатели автономности сразу по двум компонентам эго-идентичности (методика Г. В. Солдатовой): осознанность собственных ценностей ($b=-0,20$) и эмоциональная зрелость ($b=-0,16$) – показатели информационного стиля идентичности по методике М. Берзонски ($b=-0,15$), нарастает представленность поверхностной идентичности по методике AIQ-IV ($b=0,14$).

Табл. 3. Регрессионная модель изменения показателей идентичности и отношения к личной безопасности в зависимости от этапа обучения
Tab. 3. Regression model of changes in indicators of identity and attitude to personal security depending on the year of study

Предикторы	b	p
Показатели идентичности		
Активная профессиональная позиция (опросник А. А. Озеринной)	0,28	<0,01
Осознанность собственных ценностей – Автономность (СЭИ-тест)	-0,20	0,01
Ранг идентичности Я – студент (методика «Кто Я?»)	0,19	<0,01
Реляционная идентичность (AIQ-IV)	0,17	0,01
Эмоциональная зрелость – Автономность (СЭИ-тест)	-0,16	0,02
Ранг идентичности Я – сын / дочь (методика «Кто Я?»)	-0,15	0,03
Ранг идентичности Я – муж / жена (методика «Кто Я?»)	-0,15	0,04
Информационный стиль идентичности (методика М. Берзонски)	-0,15	0,01
Поверхностная идентичность (AIQ-IV)	0,14	0,05
Осознанность жизненного пути – Сомнение (СЭИ-тест)	-0,14	0,03
Показатели отношения к личной безопасности		
Потеря репутации и связей – Усилия по предотвращению угрозы	0,33	<0,01
Потеря репутации и связей – Серьезность угрозы	-0,31	<0,01
Утечка личной информации – Усилия по предотвращению угрозы	-0,26	<0,01
Жить там, где строго обеспечивается порядок и стабильность (Стратегии личной безопасности)	0,23	<0,01
Потеря близких людей и отношений с ними – Усилия по предотвращению угрозы	-0,23	0,01
Преступные группы и организации – Усилия по предотвращению угрозы	-0,20	0,01
Психологические проблемы – Серьезность угрозы	0,19	0,01
Преступные группы и организации – Серьезность угрозы	0,19	<0,01
Жить в гуманном и терпимом обществе (Стратегии личной безопасности)	-0,19	0,01
Быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности (Стратегии личной безопасности)	0,12	0,05
Жить в обществе с высокой культурой безопасности (Стратегии личной безопасности)	-0,12	0,05

Прим.: Приведены статистически значимые (при $p<0,05$) предикторы полученной регрессионной модели с указанием стандартизованных коэффициентов регрессии (b) и их статистической значимости (p).

Заключение

Между сформированностью идентичности у студентов и их отношением к личной безопасности существуют тесные и множественные связи. Формирование идентичности сопровождается перестройкой всей системы представлений об угрозах личной безопасности, вызывает изменения в выборе стратегий обеспечения личной безопасности у значительного числа испытуемых. При повышении уровня сформированности идентичности субъективная серьезность угроз личной безопасности снижается при одновременном повышении усилий, прикладываемых субъектом для предотвращения реализации этих угроз. Иными словами, студенты с более зрелой идентичностью испытывают меньше опасений по поводу личной безопасности, но делают больше для ее обеспечения. В наших предыдущих исследованиях такая тенденция описывается как формирование зрелой системы отношения к личной безопасности. Это позволяет сделать вывод, что формирование идентичности, повышение ее зрелости и сформированности сопровождаются формированием зрелого отношения к личной безопасности. Этот факт дополнительно убеждает в сопряженности изучаемых явлений, которые, вероятно, выступают компонентами личности как системы более высокого уровня, сформированность которых нарастает с повышением личностной зрелости.

Полученные данные об изменениях идентичности и отношения к личной безопасности на разных этапах обучения позволяют анализировать общие тенденции изменения изучаемых явлений в период обучения в вузе. Эти тенденции можно разделить на отражающие позитивную динамику, т. е. согласующиеся с повышением зрелости и сформированности идентичности и отношения к личной безопасности, и на отражающие негативную динамику. К позитивным тенденциям относятся: повышение активности профессиональной позиции как компонента идентичности, усиление реляционной идентичности (Я как субъект отношений), снижение оценок серьезности

угрозы потери репутации и связей, повышение предпочтений стратегии обеспечения личной безопасности с опорой на себя. К негативным тенденциям относятся: нарастание поверхностной идентичности, снижение автономности в осознании собственных ценностей и автономности эмоционального компонента идентичности, повышение оценок серьезности угроз нарастания психологических проблем, угроз со стороны преступных организаций с одновременным снижением усилий по предотвращению целого ряда распространенных угроз, изменение предпочтений стратегий безопасности в части макросреды с индивидуализирующихся (жить в гуманном и терпимом обществе) на адаптирующиеся (жить в обществе, где строго соблюдается порядок).

В целом проведенное исследование убеждает в том, что формирование личности в период обучения является сложным, комплексным процессом, при котором изменения, как идентичности, так и отношения к личной безопасности, могут быть разнонаправленными и противоречивыми.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

Funding: The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of research project No. 19-013-00066 "The system of identity of young students' personality: dynamics, factors, and threats".

Литература / References

1. Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*. 2018. Т. 8. № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
Belinskaya E. P. Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, 8(1): 6–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
2. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html> (дата обращения: 10.11.2019).
Belinskaya E. P. The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 10 Nov 2019). (In Russ.)
3. Белинская Е. П. Проблема идентичности в современной социальной психологии. *Культурно-исторический подход: от Л. С. Выготского – к XXI веку*, под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко, Е. А. Киселевой. М.: МПГУ, 2018. С. 76–84.
Belinskaya E. P. The problem of identity in modern social psychology. *Cultural-historical approach: from L. S. Vygotsky to the XXI century*, eds. Martsinkovskaya T. D., Orestova V. R., Gavrichenko O. V., Kiseleva E. A. Moscow: MPSU, 2018, 76–84. (In Russ.)

4. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (дата обращения: 02.12.2017).
Asmolov A. G. Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html> (accessed 2 Dec 2017). (In Russ.)
5. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (дата обращения: 02.12.2017).
Leontiev D. A. The challenge of uncertainty as the key issue of the psychology of personality. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (accessed 2 Dec 2017). (In Russ.)
6. Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction. *Handbook of identity theory and research*, eds. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. N. Y.: Springer, 2011, 177–199. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_8
7. Марцинковская Т. Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! *Психологические исследования*. 2014. Т. 7. № 36. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1012-martsinkovskaya36.html> (дата обращения: 02.12.2017).
Martsinkovskaya T. D. Methodology of modern psychology: a change of paradigms?! *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2014, 7(36). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1012-martsinkovskaya36.html> (accessed 2 Dec 2017). (In Russ.)
8. Benson C. The unthinkable boundaries of self: the role of negative emotional boundaries for the formation, maintenance, and transformation of identities. *The self and others: positioning individuals and groups in personal, political, and cultural contexts*, eds. Harré R., Moghaddam F. Westport: Praeger, 2003, 61–84.
9. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and Identity*, 2014, 14(2): 173–188. <https://doi.org/10.1080/15298868.2014.965733>
10. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. № 1. С. 118–136.
Zaytseva Yu. E. Self-narrative as an instrument of identity construction: existential-narrative approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2016, (1): 118–136. (In Russ.)
11. McAdams D. P. Narrative identity. *Handbook of identity theory and research*, eds. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. N. Y.: Springer, 2011, 99–115. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7988-9_5
12. Муравьева О. И., Литвина С. А., Кружкова О. В., Богомаз С. А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2017. Т. 7. № 1. С. 63–80. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.05>
Muravyeva O. I., Litvina S. A., Kruzhkova O. V., Bogomaz S. A. Russian young city-dwellers: structural features of urban identity. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, 7(1): 63–80. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.05>
13. Иванов М. С. Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 4. С. 974–981. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-974-981>
Ivanov M. S. Identity threats in the system of attitudes to personal security. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 974–981. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-974-981>
14. Иванов М. С. Убежденность в ценности собственного Я при разном отношении к угрозам личной безопасности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 4. С. 992–999. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-992-999>
Ivanov M. S. Assumptions of self-worth with a different attitudes to personal security threats. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 992–999. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-992-999>
15. Кимберг А. Н. Психология безопасности личности: предмет и проблемы в перспективе субъектного подхода. *Человек. Сообщество. Управление*. 2010. № 1. С. 72–82.
Kimberg A. N. Psychology of personal safety: subject and problems in the perspective of the subjective approach. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 72–82. (In Russ.)
16. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 270 с.
Baeva I. A. *Psychological safety in education*. St. Petersburg: Soiuз, 2002, 270. (In Russ.)

17. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии. *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 2. С. 21–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>
Dontsov A. I., Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Mostikov S. V. Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction. *Social Psychology and Society*, 2018, 9(2): 21–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>
18. Краснянская Т. М. Психология самообеспечения безопасности. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 279 с.
Krasnyanskaya T. M. *Psychology of self-security*. Pyatigorsk: PSLU, 2009, 279. (In Russ.)
19. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Fractal approach to the interpretation of psychological safety of the person. *European Journal of Psychological Studies*, 2015, (2): 48–57. <https://doi.org/10.13187/ejps.2015.6.48>
20. Фоменко Г. Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации. *Человек. Сообщество. Управление*. 2010. № 1. С. 83–99.
Fomenko G. Yu. Psychology of personal security: theoretical and methodological foundations of institutionalization. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 83–99. (In Russ.)
21. Ivanov M. S., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: Intern. Conf. on research paradigms transformation in social sciences*, Tomsk, 18–21 May 2017. Future Academy, 2018. Vol. 35. P. 1187–1196. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.140>
22. Иванов М. С., Яницкий М. С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность. *Психология отношений в постнеклассической парадигме: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Белово, 1–7 июня 2015 г.)* Белово: КузГТУ, 2015. С. 54–68.
Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Attitude to personal security: concept, structure, value variation. *Psychology of relations in the post-non-classical paradigm: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belovo, 1–7 Jun 2015*. Belovo: KuzSTU, 2015, 54–68. (In Russ.)
23. Иванов М. С. Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 3-3. С. 128–133.
Ivanov M. S. Ensuring personal safety as a problem of psychology of the way of life, self-realization and personal identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 128–133. (In Russ.)